

Е. И. Селиверстова, Г. Бай

КОМПАРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С КОМПОНЕНТАМИ БАРАБАН И БУБЕН В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Статья посвящена анализу компаративных конструкций с компонентами – наименованиями музыкальных инструментов «барабан» и «бубен» в русском языковом сознании. Актуальность исследования обусловлена, во-первых, высокой частотностью подобных словосочетаний в художественных текстах и, во-вторых, разнообразием признаков и представлений, вербализуемых ими и отражающих особенности их восприятия носителями русского языка и культуры. Применение контекстуального и концептуального методов при анализе примеров из Национального корпуса русского языка, охватывающих период с последней трети XX в. по настоящее время, показывает, что *барабан* и *бубен* как образные эталоны в компаративных конструкциях участвуют в реализации в дискурсе разнообразных признаков. Это послужило основанием для построения их классификации.

С одной стороны, это признаки, зафиксированные в словарях ('круглый', 'ударный', 'звучащий' и др.). С другой стороны, в контексте, содержащем сравнения, актуализируются признаки, характеризующие особенности звучания ('громко', 'ритмично', 'гулко'), строения ('гладкость' и 'натянутасть кожи' барабана, 'внутренняя пустота', 'открытость поверхности'), формы ('круглый', 'высокий'). Обнаруживается способность характеризовать психическое, физическое и финансовое состояние персонажа, порождать ассоциации со сферой телесного, ритуального, этнического и других культурных кодов. Контекстуальные использования образов барабана и бубна демонстрируют, таким образом, разнообразные окказиональные прочтения, развитие семантики, важной для раскрытия авторского замысла. Некоторые из возникающих коннотаций, связанных, например, с символичностью барабанного боя, становятся понятными лишь с учетом широкого культурного контекста. Компаративные конструкции с компонентами «барабан» и «бубен» служат средством выразительности, выполняют характерологическую и текстообразующую функции.

Ключевые слова: *компаративная конструкция, художественный текст, барабан, бубен, образ, функция*

E. I. Seliverstova, G. Bay

COMPARATIVE CONSTRUCTIONS WITH THE COMPONENTS “DRUM” AND “TAMBOURINE” IN LITERARY TEXTS

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of comparative constructions with components represented by the names of the musical instruments “drum” and “tambourine” in Russian linguistic consciousness. The relevance of the study is due, firstly, to the high frequency of such expressions in literary texts and, secondly, to the variety of signs and ideas verbalized by them and affecting the peculiarities of their perception by native speakers of the Russian language and culture. The usage of contextual and conceptual methods in the analysis of examples drawn from the National Corpus of the Russian Language, covering the period from the last third of the 20th century to the present, shows that the drum and the tambourine as figurative standards in comparative constructions participate in the implementation of various features in discourse. This has provided the basis for their classification.

On the one hand, these are signs recorded in dictionaries (“round”, “percussion”, “sounding”, etc.). On the other hand, in a context containing comparisons, the features characterizing the sound (“loud”, “rhythmic”, “booming”), structure (“smoothness” and “skin tightness” of the drum, “internal emptiness”, “surface openness”), shape (“round”, “high”) become more relevant. These images may also be used to reflect the mental, physical and financial state of the character, to generate associations with the sphere of bodily, ritual, ethnic and other cultural codes. The contextual uses of the drum and tambourine images thus demonstrate a variety of occasional readings, the development of semantics important for revealing the author’s intention. Some of the emerging connotations – related, for example, to the symbolism of drumming – become clear only given the wide cultural context. Comparative constructions with components “drum” and “tambourine” serve as a means of expression, perform characterological and text-forming functions.

Keywords: *comparative construction, literary text, drum, tambourine, image, function*

Введение. Музыка – это важнейший элемент социокультурного пространства и культурный код любого народа, неразрывно связанный с историей страны, ее обычаями и традициями [6, с. 277]. В лингвистических исследованиях особое внимание к музыкальным инструментам как объекту анализа оправданно: эти предметы материальной культуры связаны не только с представлением об извлечении звуков музыки, но и с иными кодами культуры – телесным, ритуальным и др. Не случайно наименования инструментов широко востребованы во фразеологии и участвуют в формировании устойчивых образно-оценочных структур, отражающих стереотипные представления; ср.: *бесструнная балалайка; в кармане как в турецком барабане – воздух один; голос как труба; тощ как флейта.*

Лексемы-наименования музыкальных инструментов привлекают сегодня внимание ученых в двух направлениях. Первое из них – это изучение особенностей фразеологизмов с образными компонентами, связанными с музыкой. В работах В. В. Катерминой [2], Е. Б. Кузьминой [4], Е. К. Николаевой [7], Н. Н. Почуевой [9], Н. О. Самаркиной [11], С. А. Шагаевой [14] и др. рассматриваются особенности оборотов, содержащих компоненты с музыкальной семантикой, механизмы формирования их значения – с привлечением обширных словарных данных, материала русских народных говоров и иных, помимо русского, языков. Некоторые инструменты – в частности, образ *колокола* – отмечены столь глубокой национально-маркированной семантикой, что их изучение вылилось практически в отдельное направление в изучении русских устойчивых единиц – см.: [3], [5], [8] и др.

Актуализация ассоциаций, связанных с привычными, казалось бы, эталонами, в рамках сравнительных конструкций в художественном тексте, – второе важное направление, позволяющее увидеть, как актуальные для автора признаки предметов и действий увязываются в контексте с образной информацией, раскрывая мировидение писателя. Л. В. Разуваева видит в сопоставлении предметов и явлений источник «сведений о личности субъекта, автора или персонажа» и выявляет в своей работе эксплицитно и имплицитно выраженные основания сравнения [10, с. 114]. Выразительный потенциал музыкальной лексики и терминологии, их метафорическое осмысление и экспрессивность делают весьма привлекательным изучение единиц музыкального кода в формировании образности художественного текста. Обратившись к региональной художественной прозе, О. Н. Черноусова выявляет зависимость функций образных сравнений от особенностей идиостиля писателя, проявляющихся в «художественно-эстетической трансформации объекта сравнения» – для конкретизации субъекта сравнения и его оценки [12, с. 4]. «Образная емкость» сравнений и «неожиданная экспрессия», включение их в систему других приемов позволяют автору создать характеристики предметов и придают художественную силу его произведению [13, с. 10].

Данная работа посвящена исследованию сравнений с компонентами «барабан» и «бубен» с целью выявления системы признаков, реализуемых ими в художественных текстах

в соответствии с авторским замыслом. Под сравнительным оборотом нами понимается конструкция, основанная на «совмещенном видении двух картин» (В. Г. Гак), выражающая компаративные отношения между предметом или его признаком и другим предметом, бесспорным выразителем данного признака, качества, свойства, действия.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена высокой частотностью в художественных текстах компаративных конструкций с компонентами-названиями музыкальных инструментов в функции эталона для сравнения, а также разнообразием вербализуемых ими признаков и представлений, отражающих особенности их восприятия носителями русского языка и культуры и, что особенно важно, вербализующих проявления индивидуально-авторской картины мира.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили компаративные конструкции с компонентами «барабан» и «бубен», отобранные из контекстов Национального корпуса русского языка, охватывающих период с последней трети XX в. по настоящее время. К исследованию привлекались данные толковых и этимологических словарей. В рамках работы использовались методы семантического анализа, лингвокультурологического, контекстуального, компонентного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Согласно [БТС], слово *барабан* трактуется как «ударный музыкальный инструмент в виде полого цилиндра с обтянутыми кожей основаниями», по которым ударяют палочками или руками (ср.: *бить в барабан, играть на барабанах, пионерский барабан, маршировать под барабан*). Отмечено употребление «Грубо. О большом, круглом, выпирающем вперед животе» и еще два значения, связанные с областью техники (*барабан бетономешалки*) и архитектурой («о цилиндрическом основании купола») [1], что указывает на высокую метафорическую продуктивность данной лексемы. *Бубен* определяется как «ударный музыкальный инструмент в виде обтянутого кожей обода с бубенчиками или металлическими пластинками по краям» (*бить в бубен, звенеть бубном, плясать под бубен*) [1]. Более узкая семантическая специализация лексемы коррелирует с устойчивым восприятием бубна как источника однообразного, ритмически повторяющегося низкого по тембру звучания; ср. глагол *бубнить* как производный от бубна.

Как показывают художественные тексты, образы *барабана* и *бубна* в составе компаративных конструкций актуализируют, во-первых, признаки, входящие в виде компонентов в семантическую структуру слов *барабан* и *бубен* на уровне узуального употребления, что отражается в их дефинициях. Это реализация в основном зрительных ассоциаций. Так, одним из наиболее частотных является признак барабана как *круглого* предмета определенной *высоты*¹: «Плаха была *круглая и размалеванная, как барабан*» (М. и С. Дяченко. Привратник). Здесь также вербализован редко встречающийся в нашем материале признак – раскраска барабана. Форма барабана служит эталоном для описания разного рода предметов, в том числе человеческого тела – преимущественно живота: «*округлый живот, выдававшийся, как барабан*» (А. Волков. «Хоббиты» с острова Флорес); «Он ест до изнеможения, до пота, пока живот у него *не вздувается, как барабан*» (Н. Дубов. Огни на реке); «*мужчина с лысиной как пионерский барабан*» (О. Славникова. 2017).

Образ барабана используется для акцента на *натяжении, гладкости поверхности*: «Протомилась, с тоской поглядывая на свое пузо, *тугое, как барабан*» (Т. Юрьева. Дневник культурной девушки). В описании кожи лица наблюдается отсылка к реальному устройству инструмента, акустические свойства которого определяются натяжением кожаных

¹ Это вполне соответствует описанию его устройства как состоящего «из полого цилиндрического корпуса и одной или двух кожаных мембран. От соотношения высоты и толщины корпуса, диаметра мембран, материала изготовления зависит относительная высота и тембр звука» [Большая Российская энциклопедия; <https://bigenc.ru/c/baraban-575c97>].

мембран: «Лицо у нее красное и широкое, а кожа *натянута как на барабане*» (В. Токарева. Ни сыну, ни жене, ни брату); «Кожа на лицевой части была *гладкая, как на барабане*» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Полдень). Напоминает барабан и необычно сидящая на человеке одежда: «Эта была одета странно: ... *ватник на ней натянута барабаном*» (Г. Троепольский. Белый Бим Черное ухо); «*Туго, барабаном натянута* фуражка водружалась на голову» (Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха).

В сравнениях с образом *бубна* реализуются два признака, оказавшиеся неактуальными для барабана: признак **открытости, обнаженности поверхности**: «Солнце, хотя и стоит низко, светит вовсю, а степь *голая, как цыганский бубен*, никуда не скроешься» (Н. Дубов. Мальчик у моря). Здесь в самом контексте содержится расшифровка авторской ассоциации: *голый* (о степи) – в соответствии с одним из значений лексемы ‘лишенный растительности’ [ОШ]. Сравнение по **крепости, плотности** проводится Ю. Курановым между грибом боровиком и бубном – с его натянутой на листовничный обод шкурой оленя: «Стоит на опушке боровик. Широкий, рослый. *Плотный, как бубен*» (Ю. Куранов. Дни сентября).

Барабан, имея цилиндрическую форму и определенное внутреннее пространство, пустоту, являющуюся дополнительным резонатором, дает основания для сравнения с ним предметов по признаку «**полый, пустой**»: «Громадный аэропорт был *пуст как барабан*» (В. В. Ершов. Летные дневники); «Холодильник был *пуст, как ритуальный барабан...*» (Улья Нова. Инка). Этот признак связан и с бубном как объектом сравнения: «Магазин был *пуст, пуст, как бубен*» (В. Слипичук. Зинзивер).

К признаку пустоты нередко добавляется и представление **о гулком звуке**, издаваемом полым предметом, – эти признаки часто приводятся вместе: «*Пусты и гулки* были мебельные ящики, *гулки, как барабаны*» (О. Славникова. 2017); «В шкафу-баре *пустого, гулкового, как барабан*, холостяцкого дома ... не переводилась текила» (И. Бояшов. Кокон); «Обо что-нибудь *шандарахнулась палка, гулко, как в бубен*, – и получался звук – такой же неизбежный, как предыдущий, и такой же неимоверно сильный, даже жуткий» (К. Сурикова. Эти дети смеялись как сумасшедшие). В последнем примере странный звук упавшей палки страшен не сам по себе – он вписывается в ряд других доносящихся звуков, которые были похожи «на все, что угодно, только не на нормальные человеческие, так сильно отличались от других...». В совокупности с другими звуками, похожими на звон разбитого мячом стекла, треск разрываемых тряпок, это создает пугающий эффект от непонимания происходящего.

Ассоциация с пустотой барабана – способ показа состояния персонажей, их **эмоциональной опустошенности, физического и морального бессилия**: «И когда ты уже окончательно выдохся и *пуст, как барабан...* тебя снимают!» (Л. Вергинская. Синяя птица любви); «*Голова пуста, как барабан, говорить ничего не хочется...*» (В. Спектр. Face Control). Пустота барабана аналогична пустоте карманов, кошелек – это знак финансовой несостоятельности человека: «Я сейчас на мели. *Пустой, как барабан*» (А. Соловьев. Аркан для букмекера); *на мели* – ‘в нужде, без денег’.

Сближение барабана и бубна как объектов сравнения особенно очевидно при **характеристике звучания** – это наиболее важная черта музыкальных инструментов. «Пол оказывается неожиданно твердым и *гудким как барабан*, в который ежедневно колотят дикари» (Г. Демидов. Без бирки); «Остальные выбивали ремнями *гудящие, как барабаны, матрасы*» (О. Павлов. Степная книга); «Снова пела степь, и говорили курганы, и *гудела земля, как бубен*» (М. Тарковский. Тойота-Креста). Звучание бубна благодаря специальным металлическим пластинам часто характеризуется глаголом *звенеть*: «Земля под его лучами трепещет и *звенит, как бубен*» (А. Балдин. Московские праздные дни).

Образы *барабана* – реже *бубна* – соотносятся с **ощущением гула, гудения** в голове, неприятного и непривычного ощущения: «А чего это у тебя голова *как барабан гудит*»

(Н. Абгарян. Все о Манюне); «Отвесил по макушке Джерому щелбан с оттяжкой, так что в голове *загудело, как в барабане*» (Д. Липскеров. Сорок лет Чанчжоз); «... *Как будто бубен гудел в ушах*» (Ф. Крюков. Ратник).

Образы обоих ударных инструментов, участвующих *в создании определенного ритма*, активны в передаче состояний человека – страха, волнения и др., отмеченных усиленным сердцебиением. «Только глухими ударами, *как барабан, билось мое сердце*» (А. Геласимов. Год обмана); «Сердце его *стучало, как гиря в пустой барабан*» (И. Полянская. Площадь); «Сердце у Петьки *колотилось, как барабан*» (А. Геласимов. Степные боги). Иным предстает образ *бубна* в контексте, акцентирующем не физиологически ощущаемый ритм, а психологический дискомфорт: «И тогда он понял обостренную внутреннюю тишину – ни разум с чувством не устраивали возни под равнодушным оком правоты, ни совесть в душу *не была, как в набат бунта, как в бубен табу*» (И. Адамацкий. Утешитель).

Нельзя не заметить и достаточно последовательного появления в художественном тексте образа *бубна* как единицы *ритуального* культурного кода. Он является ключевым атрибутом шаманских действий – в него бьют, сопровождая звуком танец, отгоняя злых духов и т. п.: «Бабушка ... поймала шустрого внука и стала *бить* в него, *как шаман в бубен*, гоня его за руку вокруг» (А. Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него); «*Стих, как и шаманский бубен, уводит человека в просторы «седьмого неба»*» (Н. Гаген-Торн. Memoria).

Выводы. Проведенный анализ показал, что барабан и бубен в компаративных конструкциях в художественных текстах обладают устойчивым образно-оценочным потенциалом. Актуализируемые ими в составе сравнений признаки свидетельствуют, с одной стороны, о традиционных представлениях об этих инструментах, касающихся внешней стороны – формы, плотной, гладкой и натянутой поверхности. С другой стороны, использование образов *барабана* и *бубна* выходит за пределы стереотипных представлений об этих музыкальных инструментах, отражая особый авторский взгляд. Так, значительной частотностью отмечен признак пустоты, отсутствия содержимого в барабане, перенесенный на другие предметы материального мира и в сферу чувств и состояний человека. Пустота, создающая акустический эффект гулкости, порождает еще одну возможность сравнения.

В целом же можно отметить, что предназначение инструментов – их способность определенным образом звучать (*гудеть, звенеть* и др.), акцентировать ритм – создает целый спектр ярких образных конфигураций, связанных с физическими ощущениями, состояниями и эмоциями человека, осуществлением ритуалов, усиливает экспрессивность и эмоциональную выразительность текста. При этом наш ограниченный временными рамками материал показывает большее разнообразие актуализированных в художественных текстах признаков барабана, нежели бубна.

ЛИТЕРАТУРА

1. БТС – Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. ИЛИ ; сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1534 с.
2. Катермина В. В. Музыкальные мотивы в русской фразеологии: музыкальные инструменты // Человеческая культура. Образование. – 2014. – № 2(12). – С. 156–166.
3. Ковшиова М. Л. Идиомы и поговорки с «колокольной» семантикой: образы и смыслы // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. Сер. Лингвокультурологические исследования. – М. : Гнозис, 2019. – С. 387–404.
4. Кузьмина Е. Б. Фразеологизмы с компонентом – названием музыкального инструмента в русских народных говорах // Frazeologické študie VI. Hudobné motívy vo frazeológii. – Bratislava : Univerzita Komenského, 2014. – S. 202–211.
5. Кунцына О. М., Первозванский Р. И. Репрезентация концептов «колокол» и «звон» в русских, немецких и французских фразеологизмах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 9(864). – С. 74–79. – DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_74.
6. Мед Н. Г. Семантические характеристики испанских фразеологизмов с музыкальным компонентом // Древняя и Новая Романия. – 2014. – Т. 13, № 1. – С. 275–285.

7. Николаева Е. К. Музыкальные инструменты в новой русской фразеологии // Идеографическая картина современной фразеологической неологии : коллективная монография / отв. ред. Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, И. В. Кузнецова. – СПб. : ЛЕМА, 2025. – С. 67–73.

8. Николаева Е. К., Ге Бай. Фразеологизмы с компонентом «колокол» в русской и китайской лингвокультурах // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2024. – № 4(125). – С. 90–96. – DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.011.

9. Почуева Н. Н. Семантические особенности фразеологизмов с лексемой-компонентом из сферы музыки (на материале русского и английского языков) // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2(41). – С. 171–179.

10. Разуваяева Л. В. Лексико-грамматические свойства компаративных конструкций с эксплицитным основанием сравнения в художественном тексте // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 114–117.

11. Самаркина Н. О. Метафора в формировании фразеологических единиц с компонентом, относящимся к фразеосемантическому полю «музыка», в английском и турецком языках // Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Казань, 2006. – 28 с.

12. Черноусова О. Н. Функционирование образных сравнений в региональной художественной прозе и устной речи диалектоносителей : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Волгоград, 2014. – 23 с.

13. Чумаков А. Н. Индивидуально-авторская специфика компаративных конструкций в поэзии С. Минакова // Журнал филологических исследований. – 2022. – Т. 7, № 1. – С. 8–11.

14. Шагаева С. А. Концепт музыка в русской языковой картине мира (на материале лексикографических источников) // Исследования по славянским языкам. – 2021. – Т. 26, № 1. – С. 51–74. – DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-2-18-27.

Статья поступила в редакцию 30.01.2026

REFERENCES

1. BTS – Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka: A-Ya / RAN. ILI; sost., gl. red. S. A. Kuznetsov. – SPb. : Norint. 1998. – 1534 s.

2. Katermina V. V. Muzykalnyye motivy v russkoy frazeologii: muzykalnyye instrumenty // Chelovek. Kultura. Obrazovaniye. – 2014. – № 2(12). – S. 156–166.

3. Kovshova M. L. Idiomy i paremii s «kolokolnoy» semantikoy: obrazy i smysly // Logicheskiy analiz yazyka. Ponyatiye very v raznykh yazykakh i kulturakh. Ser. Lingvokulturologicheskiye issledovaniya. – M. : Gnozis. 2019. – S. 387–404.

4. Kuzmina E. B. Frazeologizmy s komponentom – nazvaniyem muzykalnogo instrumenta v russkikh narodnykh govornakh // Frazeologické študie VI. Hudobné motivy vo frazeologii. – Bratislava : Univerzita Komenského, 2014. – S. 202–211.

5. Kunitsyna O. M., Pervozvanskiy R. I. Reprezentatsiya kontseptov «kolokol» i «zvon» v russkikh. nemetskikh i frantsuzskikh frazeologizmakh // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. – 2022. – № 9(864). – S. 74–79. – DOI 10.52070/2542-2197_2022_9_864_74.

6. Med N. G. Semanticheskiye kharakteristiki ispanskikh frazeologizmov s muzykalnym komponentom // Drevnyaya i Novaya Romaniya. – 2014. – Т. 13, № 1. – S. 275–285.

7. Nikolayeva E. K. Muzykalnyye instrumenty v novoy russkoy frazeologii // Ideograficheskaya kartina sovremennoy frazeologicheskoy neologii : kollektivnaya monografiya / отв. ред. Kh. Valter. V. M. Mokiyenko. I. V. Kuznetsova. – SPb. : ЛЕМА, 2025. – С. 67–73.

8. Nikolayeva E. K., Ge Bay. Frazeologizmy s komponentom «kolokol» v russkoy i kitayskoy lingvokulturakh // Vestnik ChGPU im. I. Ya. Yakovleva. – 2024. – № 4(125). – С. 90–96. – DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.011.

9. Pochuyeva N. N. Semanticheskiye osobennosti frazeologizmov s leksemoy-komponentom iz sfery muzyki (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) // Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikatsiya. – 2021. – № 2(41). – С. 171–179.

10. Razuvayeva L. V. Leksiko-grammaticheskiye svoystva komparativnykh konstruktсий s eksplitsitnym osnovaniyem sravneniya v khudozhestvennom tekste // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya. – 2008. – № 3. – С. 114–117.

11. Samarkina N. O. Metafora v formirovaniy frazeologicheskikh edinits s komponentom. odnosyashchimsya k frazeosemanticheskomu polyu «muzyka». v angliyskom i turetskom yazykakh // Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Казань, 2006. – 28 с.

12. Chernousova O. N. Funktsionirovaniye obraznykh sravneniy v regionalnoy khudozhestvennoy proze i ustnoy rechi dialektonositeley : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. – Volgograd. 2014. – 23 s.

13. Chumakov A. N. Individualno-avtorskaya spetsifika komparativnykh konstruktсий v poezii S. Minakova // Zhurnal filologicheskikh issledovaniy. – 2022. – Т. 7, № 1. – С. 8–11.

14. Shagayeva S. A. Kontsept muzyka v russkoy yazykovoy kartine mira (na materiale leksikograficheskikh istochnikov) // Issledovaniya po slavyanskim yazykam. – 2021. – Т. 26, № 1. – S. 51–74. – DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-2-18-27.

The article was contributed on January 30, 2026

Сведения об авторах

Селиверстова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2020-0061>, e.seliverstova@spbu.ru

Бай Гэ – аспирант филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, Bg1552991104@163.com

Author Information

Seliverstova, Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language for Faculties of Humanities and Natural Sciences, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-2020-0061>, e.seliverstova@spbu.ru

Bay Ge – Post-graduate Student, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, Bg1552991104@163.com